

ИИЯ. 3 ИЮНЯ 1984 г.

ЧТО НАМ СТОИТ ХРАМ ПОСТРОИТЬ!

У РАБОЧИХ СЦЕНЫ НА ЭТО УХОДИТ ОДИН ДЕНЬ

И даже вечерний спектакль в любом театре начинается рано утром. Первым на полутемную и немую сцену выходит монтировщик. Носком грубого ботинка поддевает выпавший откуда-то гвоздосотку. Прикидывая объем предстоящей работы, задирает вверх голову. Там, в темноте, загнанные на 20-метровую высоту колосников висят декорации вчерашнего спектакля, кулисы, падуги и прочее мягкое, что называют одеждой сцены.

Одежда, 100-килограммовый бархатный занавес, и здесь — на полу. Кто-то из молодых, не отошедший еще от крепкого сна, потягиваясь, примеряет себя к бархату: подремать бы с полчаса. Но застучала молоток бригадира, и сцена просыпается.

В оперном театре подготовка площадки начинается с пола. Для каждого балетного спектакля и для некоторых оперных застилают свой «половик». 400—500 квадратных метров плотной ткани натягивают так туго, что трещит брезент. Прибит половики гвоздями—крути, солист, пирует на здоровье! Половик не поморщится, не потянет ногу.

А потом короткая пауза, размышление, в каком порядке и что снимать из одежды вчерашнего спектакля. Кулисы, кажется, можно было бы оставить вчерашние, ведь они только и служат для того, чтобы отделять закулисное пространство, где готовятся к выходу актеры, от самой сцены. Но и кулисы, эти длинные, сверху вниз куски ткани, почти в каждом спектакле — своего размера, цвета. Они тоже служат замыслу художника, создают настроение спектакля, как и многие десятки других деталей оформления. Предметов много, все бирочкой не пометишь. Тут-то и играет свою роль опыт монтировщика, в какой-то мере присущее и ему художественное чутье.

Так замысел художника и реальность, созданная руками бригады рабочих, стыкуются, иногда приходят в противоречие. Я был свидетелем жарких схваток, когда художник и главный машинист сцены до хрипа спорили. «А я говорю, вы оград должны висеть тут, на полметра левее!» — доказывает художник. «А вот и нет, — сопротивляется машинист Г. Чалков, — в прошлый раз он здесь висел, а если его передвинуть, он бросит тень вот туда и все испортит!».

Художник — во многом человек настроения и интуиции, он волен фантазировать, а монтировщику дай точный план каждого спектакля, все распиши по нотам, где какой предмет должен висеть, стоять. Бывает, и план есть, а монтируют тоже по собственному опыту, чувству. Среди монтировщиков, бутафоров, освети-

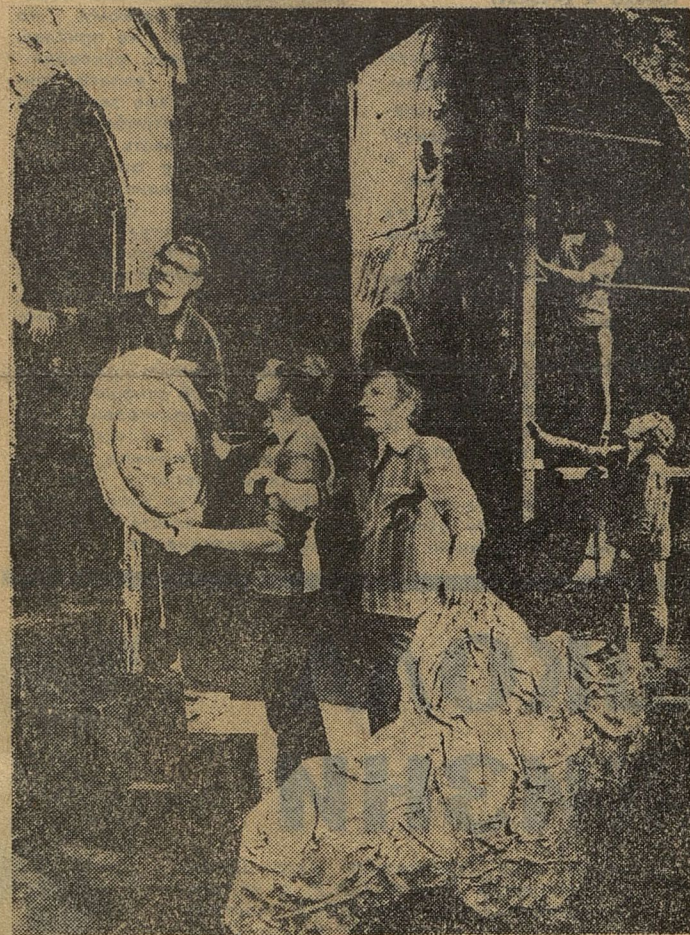
ВОСКРЕСНЫЙ РЕПОРТАЖ

телей, людей в основном молодых, есть и те, кто в свое время играл в оркестре, танцевал в балете, пел. По возрасту перешли во вспомогательный цех, но душой все так же горячо переживают за каждый штрих спектакля.

Итак, в 9 утра вечерний спектакль «Борис Годунов» начали готовить А. Кивелев,

км будет быстрой, ловкой, неожиданной.

Работа монтировщика не только точная и ответственная, но и тяжелая. Вес только подвешенных декораций и одежды на ином спектакле достигает двух тонн. А ведь самое тяжелое устанавливают на подмостках. Монастырь в «Борисе Годунове», корабль в «Петре I» — это громоздкие конструкции из металла и дерева. Они — символ мощи, масштаба своего времени, в то же время они место теат-

рального действия. Вспомните, в «Петре I» по кораблю бегают сразу несколько человек, сражаются, падают. Крепкой же должна быть «бутафория»!

В прошлом году театр выезжал на гастроли в Калининград. Декорации 12 спектаклей едва уместились в семи большегрузных вагонах. Вот обманчивая легкость «Севильского цирюльника», «Щелкунчика», «Снежной королевы»!.

Тем временем Георгий Чалков с товарищами установили металлические леса, обтянули их щитами, имитирующими каменную постройку. Получился монастырь. Соорудили и другие строения старой Руси. Все расставили по местам, еще раз проверили «карман», где хранятся декорации второго и третьего действий. И теперь с пяти часов и до начала спектакля сцена отдана художникам по свету.

Не суетясь, тщательно они будут прицеливать фонари в ключевые точки сцены, на пульте наберут программу перемены света для 250 прожекторов. Подготовят и расставят более мелкий реквизит ветераны бутафорского цеха Т. Матвеева и А. Шумилова. За полчаса до спектакля за занавесом уже собрались актеры, режиссер, художник, помощники и ассистенты. Самая волнующая и тревожная минута — начало!

Волнуются и герои сегодняшнего репортажа. Спектакль идет, и они тут же за кулисами ведут смены декораций. Лишь только опустится суперзанавес или дадут затемнение, сразу же выбегают на сцену. В считанные минуты, что длится действие на авансцене, они должны выдернуть гвозди, убрать, принести, приколотить, отвязать, привязать. В эти минуты и солисты уступают дорогу монтировщику, он — главное лицо на сцене.

Но не только за кулисами или за закрытым занавесом работают монтировщики. Нердкки и у них выходы на публику. Вспомним, в «Петре I» занавес не опускается ни перед началом, ни в антрактах. Начало действия выглядит так: два крепких мужика вращают ворот, скрипит тяжелая цепь, и на верх строящегося корабля подымается деревянная балка. Эти и другие мужики, которые в то же время ходят по сцене, стучат топорами, что-то там поправляют, — переодетые в старинные одежды рабочие сцены. Артисты миманса здесь не могли быть использованы, потому что мужики должны на глазах у зрителей строить корабль.

И в «Борисе Годунове» некоторые из стрельцов — переодетые рабочие сцены. Выходят они перед зрителями в «Ромео и Джульетте». В черной одежде, в черной маске, на черном фоне задника сцены невидимые зрителем вращают они белоснежные горы в «Снежной королеве». Есть и другие спектакли, где так или иначе зрители ощущают их присутствие. И когда кончится такой спектакль, новичка-монтировщика обязательно поздравит помощник режиссера, кто-то из актеров: «С премьерой тебя!». И пусть роль крохотная, ничего обидного в таком поздравлении нет. Настоящей, хорошей сцене всегда присущ дух товарищества тех, кто служит искусству.

...И уходит из театра монтировщик одним из последних. Смыв под душем пыль и краску, блестя мокрыми волосами, он выходит на улицу. После дня, проведенного на сцене, среди искусственного света, условностей декораций и одежд, непривычным кажется воздух, свет и даже вид современной улицы. Но это только на миг. Завтрашний день целиком будет принадлежать ему. Себе, семье, любимой девушке, учебе. И в этой смене жизненных «декораций» находит он удовлетворение и разрядку.

А. ЛОСЕВ.

На снимке: так растет монастырь в «Борисе Годунове».

Фото В. Ветлугина.